

Макарова Инна Сергеевна

ОБРАЗ КОРАБЛЯ И МОРСКОЙ СТИХИИ В КЕЛЬТСКОЙ МИФОЛОГИИ

Статья посвящена изучению образов морской стихии и корабля в контексте кельтских мифов, преданий и легенд. Целью предлагаемого исследования является создание целостного представления о роли и значении рассматриваемых мифопоэтических образов в кельтской мифологии, а также анализ их символики на основе сохранившихся до наших дней кельтских сказаний. Новизна предлагаемого исследования заключается в попытке охарактеризовать специфику образов моря и корабля как центральных образов кельтской мифологии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/3-2/39.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. II. С. 145-150. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82

Филологические науки

Статья посвящена изучению образов морской стихии и корабля в контексте кельтских мифов, преданий и легенд. Целью предлагаемого исследования является создание целостного представления о роли и значении рассматриваемых мифопоэтических образов в кельтской мифологии, а также анализ их символики на основе сохранившихся до наших дней кельтских сказаний. Новизна предлагаемого исследования заключается в попытке охарактеризовать специфику образов моря и корабля как центральных образов кельтской мифологии.

Ключевые слова и фразы: образ; море; корабль; мифология; кельты; Мельдун; Тристан.

Макарова Инна Сергеевна, к. филол. н., доцент

Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»

inna-makarova@mail.ru

ОБРАЗ КОРАБЛЯ И МОРСКОЙ СТИХИИ В КЕЛЬТСКОЙ МИФОЛОГИИ

Предлагаемый в настоящей статье материал является составной частью обширного научного исследования, ставящего своей целью изучение образа корабля в западноевропейской литературе. Помимо многочисленных художественных произведений, так или иначе связанных с образами морской стихии и корабля, понимаемых в широком смысле, в рамках данного исследования огромное значение приобретает анализ мифологических представлений о роли и значении воды и судна. В частности, интерес представляет объемный пласт кельтской мифологии, богатой легендами и преданиями, в которых море и корабль занимают одно из центральных мест. Целью статьи является определение роли и значения этих образов в культуре кельтских племен на основе сохранившихся сведений об их традициях и обычаях, а также на материале ключевых кельтских мифов; в круг задач также входит анализ характерной для мифологических представлений кельтов символики корабля и воды.

Факелоносцами Древнего мира, разносчиками цивилизации и культуры именовал кельтов известный исследователь кельтской цивилизации Анри Юбер, подчеркивая ту роль, что сыграли кельты в распространении вначале греческой культуры на территории Центральной Европы, а затем и римской на галльских землях. В значительной степени этому способствовали кельтские жрецы – друиды, могущество которых намного превосходило власть королей. Как отмечает Н. С. Широкова, «построенная на принципах жесткой иерархии и строгой внутренней дисциплины... корпорация друидов не находит аналогий в религиозных организациях ни древнего, ни нового времени» [12, с. 11]. Освобожденные от воинской службы и иных повинностей друиды занимались воспитанием молодежи, открывая школы, обучение в которых, происходило в устной форме и заключалось в заучивании огромного количества стихов. Цезарь отмечал, что подобное обучение могло продолжаться в течение двадцати лет [11, с. 68]. О друидах, являвшихся членами тайного мистического ордена, способных полностью подчинить своей воли правящих монархов, Дион Хризостом, современник Плиния, писал: «Повелевают они, а цари на золотых престолах... – всего лишь их слуги и исполнители их мыслей» [9, с. 51]. По словам С. В. Цветкова, «...подобного теократического правления человеческая цивилизация не знала со времен египетских фараонов» [Там же].

Существует мнение, согласно которому кельты являлись носителями более архаичных знаний индоевропейцев, нежели римляне, и во многом превосходили их в своем развитии. Имея место лишь в узком кругу посвященных лиц (друидов), это развитие, однако, «...не мешало... движению кельтской цивилизации во все стороны света» [Там же, с. 52]. Немецкий исследователь исторического и культурного наследия кельтов Гельмут Биркхан пишет: «Кельты были далеки от того, чтобы создать “империю” вроде основанных на письменной культуре восточных и средиземноморских держав. Однако греки и римляне воспринимали их как определенную, единую в культурном отношении группу племен...» [11, с. 39-40]. Кельтские племена, некогда населявшие большую часть европейского континента, вошли в историю мировой культуры как носители самобытных традиций и верований, в своей совокупности составивших уникальную мифологическую систему – одну из наиболее влиятельных в современном культурологическом контексте. Кельтские племена, обитавшие на территории Галлии (современная Франция), даже будучи захвачены римскими легионерами в период между 59-49 гг. до н.э., сумели сохранить собственный пантеон божеств, которым продолжали поклоняться вплоть до официального принятия христианства Римской империей.

В значительной степени консервации кельтского культурного наследия способствовала деятельность ирландских монахов, которые начиная с V в. н.э. собирали и записывали древние саги кельтов. В Ирландии полагали, что саги обладают волшебной силой, а их пересказ считался лучшим способом защиты домашнего очага от злых сил. Особое место в кельтских сагах, среди прочих атрибутов, таких как магические деревья и волшебные котлы, традиционно занимали водная стихия и корабль, выступавшие в качестве центрального мифопоэтического образа целого ряда классических сюжетов кельтской мифологии. Равно как для греко-римской цивилизации и германо-скандинавских народов у кельтов, вода играла ключевую роль как в повседневной, бытовой жизни населения, так и в ее экономической и политической сферах. Племена кельтов, населявшие берега Британии и Франции, занимались рыбной ловлей и вели активную морскую торговлю, в том числе янтарем. Древние ирландские лодки были трех основных видов: «Каноэ, изготовленные

из выдолбленных деревьев, плетеные лодки и корабли с парусами или веслами или с тем и другим [8, с. 94]. Кораблестроителям и мореходам Арморики той эпохи не было равных. В Воспоминаниях о Галльской войне Юлий Цезарь так описывает корабли венетов: «Их киль был несколько более плоским, чтобы было легче справляться с мелями и отливами; носы, а равно и кормы были целиком сделаны из дуба, чтобы выносить какие угодно удары волн и повреждения... <...> ...Якоря укреплялись не канатами, но железными цепями; вместо парусов была грубая или же тонкая дубленая кожа..., вероятнее потому, что полотняные паруса представлялись недостаточными для того, чтобы выдерживать сильные бури и порывистые ветры Океана и управлять такими тяжелыми кораблями» [10, с. 57]. В ходе морских баталий между римлянами и галлами Юлий Цезарь лично убедился в превосходстве кельтских судов над римскими: «...Галльские корабли удобнее приспособлены к местным условиям и к борьбе с бурями. ...Наши суда не могли им вредить своими носами (до такой степени они были прочными); вследствие их высоты нелегко было их обстреливать; по той же причине не очень удобно было захватывать их баграми. ...Им было легче переносить бурю и безопаснее держаться на мели..., им нечего было бояться скал и рифов» [Там же].

Кельты прославились как опытные мореплаватели, чей талант в этой области впоследствии был вынужден перенять сам Юлий Цезарь. Кельтские моряки служили во флоте по всему Средиземному побережью. Мастерство кельтов как навигаторов, их отвага и спокойствие, закалявшиеся во время плаваний по Атлантическому океану, считавшемуся в древности самым бурным, между Британией, Францией и Ирландией, заметно отличали их среди прочих мореходов, привыкших к спокойному Средиземному морю.

Анализ сохранившихся до наших дней сведений о кельтской мифологии позволяет составить общее представление о той роли, что водная стихия и связанные с ней атрибуты играли в культуре племен кельтского происхождения. В частности, известен распространенный на территории обитания кельтов культ священных источников, связанный с понятием *Matres* – женскими божествами (водо-материй), которые являлись покровительницами рек и озер в Галлии и Ирландии. Имена... богинь вод обнаруживаются на мемориальных досках, которые помещались в этих водах или вблизи их. Римские нимфы..., стали кельтскими богинями вод, которые сохранились как водные феи в более поздних народных поверьях [7, с. 40]. Кельты разделяли традиционное представление древних о материнском значении воды, полагая, что источником рождения новой жизни является вода, а море выступает в качестве его символа. Как отмечает Д. А. Маккалох, женщины совершали паломничество к источникам, пили, купались в водах, умоляли духа или святого дать им потомство и делали должное пожертвование [Там же, с. 169].

В кельтских представлениях о потустороннем мире вода также играла немаловажную роль. Необъятный водный простор всегда воспринимался кельтами как своего рода символ первобытной древности. В их сознании он ассоциировался с пустотой, мраком и чудовищными монстрами... [3, с. 175]. В отличие от представителей греко-римской цивилизации, считавших загробное царство мрачной обителью мертвецов, кельты изображали невидимый мир усопших райской долиной, в которой души людей обретали желанное отдохновение перед возвращением на бренную землю в ином обличье. Попасть в эту сказочную обитель, согласно представлениям кельтов, населенную богами, феями, эльфами и великанами, представлялось возможным лишь по воде. В роли звена, связующего земную жизнь и загробный мир, у кельтов выступала вода, поднимающаяся на поверхность с большой глубины, – родники и источники, в жертву которым приносились ценные вещи, животные и даже люди. Воды таких родников считались целебными.

В исследовании, посвященном кельтской религии, Д. А. Маккалох отмечает амбивалентное отношение кельтов к морской стихии. Так, воспринимая море в качестве враждебного существа, воины боролись с ним мечами и копьями, часто погибая в накатывающих водах, но не отступая [7, с. 154]. Одновременно, согласно кельтским представлениям, море обладало благотворными свойствами: «Берег был местом откровения... и море сочувствовало человеческой печали» [Там же, с. 155]. В Ирландии рев моря воспринимался в качестве пророчества о смерти царя или предвестника важных событий. В историю вошли великие волны Клидны, Туайтхе и Рудрайхе. Особенное значение приобрел девятый вал: девять волн создавали барьер против вторжения, опасности или мора [Там же], а также обладали целебной силой.

Кельты верили в то, что вода способна предсказывать грядущие события: гадание происходило по способу течения, количеству воды в источнике, появлению или отсутствию пузырьков в воде, когда в них бросали жертвования, по погружению или плаванью различных предметов [Там же, с. 169]. Воду спрашивали о здоровье близких; девушки гадали на своих возлюбленных; на воде проверялась верность супругов. В этом отношении интересен обычай кельтских племен, обитавших на Рейне: в случае, если женщину подозревали в прелюбодеянии, новорожденного ребенка клали на щит и пускали вдоль по течению: «Если он плыл, то мать была невинна; если он тонул, ему давали утонуть, а ее предавали смерти» [Там же, с. 170]. Широкое распространение получило предание о проклинающих источниках: кельты верили, что если написать имя своего врага на каком-либо предмете (к примеру, свинцовой табличке) и бросить в воду, сопроводив свои действия проклятием, дух источника приведет жертву к неминуемой смерти. Одновременно на других табличках были выгравированы молитвы о благах для просящего.

Одно из ключевых мест в ирландском пантеоне занимал бог моря *Мананнан* – покровитель мореплавателей. Согласно сохранившимся источникам, отцом Мананнана являлся другой ирландский бог моря – Лер (валлийский Ллир), который, однако, почти не упоминается в мифологии и описывается лишь как один из «ранних морских божеств» [14, р. 292]. Согласно некоторым кельтским мифам, ему принадлежала самоходная лодка под названием Чистильщик волн; по другим источникам, он разъезжал по волнам на колеснице или верхом на коне [13, р. 80]. Валлийским богом моря считался *Дилан* – сын волн, который при рождении выпрыгнул из рук матери и поплыл по волнам не хуже рыбы. По легенде, смерть Дилана оплакивали волны

Британии и Ирландии, а его предсмертные стоны все еще слышны в рокоте надвигающегося шторма. Морскими богами также иногда именовались жестокие существа с одной рукой, ногой и глазом – *фоморы*, обитавшие под водой, но явившиеся на сушу, чтобы бросить вызов Ирландским правителям.

Распространение получила и кельтская интерпретация древнего *мифа о Всемирном потопе*, главными действующими лицами которой стали Бит, сын Ноя, его дочь Кесайр и ее супруг Финтан. Согласно легенде, когда Биту было отказано в месте на Ноевом ковчеге, бог посоветовал ему построить собственную ладью. Вместе с дочерью Бит отправился в плавание и спустя семь лет достиг берегов Ирландии, где Кесайр вышла замуж. Во время потопа ни отец, ни дочь не смогли выжить в волнах, обрушившихся на землю, и лишь Финтан, обернувшись лососем, сумел спастись. Герой ирландского варианта делювиального мифа, Финтан, будучи друидом, стал, таким образом, хранителем древних знаний и летописцем последующих событий, пережив завоевание Ирландии и принятие страной христианства. Пройдя через множество превращений в различных животных, он долгое время оставался нем, храня тайну происхождения мира.

Известный цикл кельтских *легенд о короле Артуре* также изобилует сюжетами, связанными с водной стихией. Так, волшебный меч, позволивший Артуру закрепить свою власть, был принят им из рук Озерной девы. Незадолго до своей смерти, после роковой битвы с войском Мордреда, Артур возвращает Экскалибур в заколдованное озеро его исконной хозяйке. Предчувствуя скорую кончину, на волшебной ладье Артур отправляется в Аваллон, предсказанный стать местом его исцеления, после которого он вновь возвратится к своему народу, чтобы возглавить его в битве против врага. Согласно другому варианту этой легенды, на черном корабле тело раненого Артура на остров Аваллон перевозят три таинственные дамы, которые призваны ухаживать за правителем до его полного выздоровления.

Образы воды и ладьи присутствуют и в *легендах о рыцарях Круглого стола*. Один из сильнейших и благороднейших соратников Артура и одновременно его соперник в любви – Ланселот Озерный – получил свое прозвище по причине того, что воспитавшая его фея – Владычица Озера – ребенком окунула мальчика в волшебный пруд. Легенда о нравственном испытании сэра Персеваля, другого рыцаря Круглого стола, впоследствии отправившегося на поиски чаши Святого Грааля, повествует о встрече воина с таинственным кораблем, на борту которого находилась прекрасная незнакомка. Рыцарь, плененный чарами красавицы, забыл о своем долге и был готов поддаться искушению, но вовремя заметил красный крест на эфесе меча, что лежал у его ног, – знак распятия, напомнивший Персевалю о должном поведении. Как только воин перекрестил лоб, корабль превратился в черное облако, а его хозяйка, унеслась прочь по ветру с ревом и воплями, и казалось, вода горела за ее спиной [4, с. 160].

Излюбленной темой ирландских саг были морские путешествия, совершаемые героями к далеким островам и в потусторонний мир. Среди наиболее прославленных кельтских мореходов, о которых были сложены легенды, – Мельдун, Бран, сын Фебала и Брендан.

«*Странствия Мельдуна*», входящие наряду с прочими текстами в книгу Бурой Коровы, по праву могут считаться подлинной ирландской Одиссеей. Этот памятник старинной ирландской литературы, сохранившийся до наших дней, во многом стал каноническим, выступив в роли некой модели будущих текстов, созданных в этом жанре. Поздняя сага о его плавании является компиляцией дохристианских и христианских идей... [Там же, с. 144]. Путешествие, в котором, собрана вся мудрость Ирландии [Там же, с. 145], имеет своей единственной целью месть сына за отца, павшего от рук заморских разбойников. Мельдун вместе с тремя сводными братьями и семнадцатью воинами отправляется в плавание на корабле, построенном из трех слоев бычьих шкур. На своем пути воинам предстоит посетить немало удивительных островов, населенных фантастическими существами: исполинскими птицами, огромными муравьями, кровожадными лошадьми, вращающимися тварями и т.д. Среди обитателей островов Мельдун и его соратники встречают мельника, который мелет все, что попадает ему под руку; племя плакальчиков; паломника, остров которого с каждым годом становится все больше; отшельника, питающегося лососем, что приносит ему выдра, и хлебом, доставляемым ангелом, и многих других. Мореплаватели видят фонтан со струями из молока, вина и пива, море из стекла и море из облаков, в котором внезапно появляются леса, замки и страшные чудовища, недостижимый остров на пьедестале, вращающийся огонь и многое другое. В конце плавания, настигнув убийц своего отца, Мельдун внемлет их мольбам о прощении и щадит жизни раскаявшихся преступников.

Бран, сын Фебала является героем не менее знаменитой ирландской саги о морских путешествиях, записанной монахами лишь в VIII веке. В свое легендарное плавание Бран отправляется по зову серебряной ветви, покрытой белоснежными цветами, что была оставлена неподалеку от того места, где спал будущий мореплаватель. Вскоре за ней является таинственная незнакомка, которая поет Брану о чудесах, что скрывают остров потустороннего мира, лежащий за морями. Плененный прекрасными ведениями, Бран вместе с двадцатью семью родственниками отплывает на запад в поисках волшебных земель. Первым, кого мореплаватели встречают на своем пути, становится бог моря Мананнан, подтверждающий слова незнакомки. Мореходы, замороженные мечтой добраться до волшебного края, продолжают свой путь и, миновав остров Веселья, пристают на острове Женщин. Повелительница острова приглашает путников сойти на берег, однако Бран опасается ступить на незнакомую землю, и тогда владычица бросает в него клубок ниток, отчего корабль мгновенно вылетает на сушу. Проведя на острове, полном удовольствий, некоторое время, мореходы решают возвратиться к родным берегам, испытывая тоску по отчужденному дому, но хозяйка острова предупреждает их не ступить на землю, т.к. с той поры, как они покинули Ирландское море, прошли столетия. Возвратившись домой, Бран обнаруживает, что его никто не узнает, а плавание его команды давно стало легендой. Отчаявшись, один из его спутников ступает на землю, в миг превратившись в прах, а Бран поворачивает свой корабль обратно к островам потустороннего мира.

Саги о Брендане, ирландском святом и мореходе VI века, в Средние века пользовавшиеся не меньшей популярностью, чем легенды о рыцарях Круглого стола, составлены в духе саг о Бране, в то время как источником легенды стало морское путешествие Мельдуна. Св. Брендану явилось видение голубя, указывающего путь к острову Блаженных, после чего тот дал обет совершить паломничество к неизведанным землям. В поисках чудесного острова он дважды совершил плавание: вначале на плоту из наполненных воздухом шкур, а затем на деревянной лодке. Пережив немало приключений и сумев дважды благополучно пересечь полупрозрачное море, Брендан отыскал остров духов-птиц, после чего, вернувшись в Ирландию, покинул монастырь и поселился в пустоши близ Лимерика, где и провел остаток своих дней.

Однако апофеозом художественного осмысления мифопоэтического образа корабля и связанного с ним образа морской стихии стало кельтское *предание о Тристане и Изольде*, в котором корабль предстал не только многогранным символом, но и выступил в роли полноценного персонажа легенды.

По словам А. Д. Михайлова, история трагической любви Тристана и Изольды, универсальная по причине того, что она моделирует человеческие отношения [5, с. 623], существует во множестве различных вариантов, к которым, в первую очередь, относятся фрагменты валлийских текстов, роман нормандского трувера Беруля, анонимная поэма, также известная как Бернская версия Тристан-юродивый, фрагменты стихотворного романа англо-нормандца Тома, стихотворный роман Готфрида Страсбургского Тристан, куртуазная новелла конца XII Жимолость, принадлежащая перу поэтессы Марии Французской, французский роман в прозе, датированный 1230 годом, а также авантюрно-приключенческое повествование Пьера Сала Тристан, созданное во Франции в начале XVI столетия. По мнению А. Д. Михайлова, Роман о Тристане – «...наиболее морской роман средневекового Запада...», в котором «...стихия моря, поэзия моря пронизывает, наполняет легенду...» [Там же, с. 630]. По словам французского исследователя легенды Гастона Париса, сравнивающего средневековую легенду с морской стихией, что также глубока и изменчива, «...море постоянно на виду и в действии...» [Там же]. Другой французский ученый, Мишель Казенав, полагает, что море в легенде задает определенный ритм существованию главных героев: «Оно – что-то вроде мистического пути... <...> Море – это смерть... Море – это жизнь...» [Там же, с. 631]; в море М. Казенав также видит субтитут Изольды. По справедливому замечанию А. Д. Михайлова, образ моря весьма типичен для куртуазного романа XII века, однако чаще перед читателем морская стихия, даже в угрожающем реве которой «...редко слышатся тревожные нотки. ...Море более нейтрально, к нему не стягиваются все ведущие нити сюжета» [Там же]. В легенде о Тристане читатель знакомится с суровым северным морем, которое наполняет особой атмосферой все повествование и служит не только привычным фоном большей части событий, но и становится «...емким и многозначным...» [Там же] символом.

Протагонист, чье имя вынесено в заглавие легенды в большинстве поэтических произведений XII в., – Тристан, которому, согласно норвежской саге монаха Роберта, «...предстояло жить и повергать в печаль всех своих друзей» [Там же, с. 627], – искусный навигатор. Он в совершенстве владеет корабельной премудростью, разбираясь в снастях, владея техникой передвижения под парусом и на веслах, умея пролагать курс судна по звездам. Символом судьбы этого героя, на взгляд А. Д. Михайлова, является морская стихия: «Она текуча, подвижна, ненадежна. Герой постоянно ввергает свою судьбу морю, и она становится подобна морю» [Там же, с. 633]. Анализ легенды со всей очевидностью указывает на тесную взаимосвязь переломных, ключевых в жизни Тристана событий с морем. Морским путешествиям вторят и рыцарские подвиги главного героя, которые либо предшествуют им, либо становятся их причиной.

Для текстологического анализа функционирования образа корабля в кельтской мифологии, в частности, на материале легенды о Тристане и Изольде, обратимся к ее опубликованным вариантам, дошедшим до наших дней и, в частности, к *поэме Беруля, саге монаха Роберта и роману Жозефа Бедье*.

Впервые корабль упоминается в эпизоде знакомства юного Тристана с норвежскими купцами: увлекшись игрой в шахматы, он не замечает отплытия судна и оказывается заточенным в плену у торговцев, задумавших выгодно продать образованного и талантливого вельможу. Однако коварным замыслом купцов не дано сбыться: норвежский корабль попадает в страшную бурю, которая продолжается неделю: «Отчаяние и тревога охватили всех, бывших на корабле, люди плакали и громко вопили от ужаса... <...> ...Никто не сомневался, что они погибнут» [Там же, с. 218]. Испуганные мореплаватели дают Тристану клятву в случае своего спасения даровать юноше свободу: «...Буря не кончится, а мы не достигнем берега, пока он находится у нас на борту» [Там же]. Как только буря утихает, корабль причаливает к незнакомому берегу. Государством, на землю которого ступает Тристан, правит король Марк. Взаимоотношения главного героя с правителем, являющие собой «...зерно легенды...» [Там же, с. 632], оказываются, таким образом «...“делом рук” моря...» [Там же].

Следующим эпизодом легенды, тесно связанным с образом корабля, становится пребывание Тристана в открытом море: умирающий от ран, нанесенных Морхольтом, юноша отправляется в ладье, взяв с собой лишь меч и арфу, в плавание, исход которого, казалось бы, предрешен: «К чему паруса, когда его руки не могли бы их распустить? К чему весла, к чему меч?» [1, с. 45]. Его ладья становится «плавучим саркофагом» [5, с. 632], и, подобно душам умерших, что перевозит Харон, Тристан оказывается на пути в загробный мир: «Хочу вверить себя морю и его случайностям. Я желал бы, чтоб оно унесло меня одного далеко!» [1, с. 45]. По прошествии семи дней течение приносит ладью Тристана к берегам Ирландии, где герой обретает спасение и встречает Изольду. И снова, как мы видим, ключевую роль в судьбе юноши играет море.

Третье морское путешествие Тристан совершает вместе со своей командой. Двадцать доблестных и храбрых юношей из свиты британского монарха под видом купцов отправляются вместе с Тристаном в Ирландию на корабле, груженном разнообразными товарами. Целью Тристана является увезти возлюбленную

Изольту: . Вот они уже плывут по Ирландскому морю. Тристрам угрюм и озабочен. Он думает, что лучше всего будет заманить Исонду на корабль и спешно отплыть с нею... [Там же, с. 40]. Немало дней и ночей предстоит Тристану и его людям провести посреди открытого моря: буря не дает путешественникам пристать к берегам Дублина. Как только корабль причаливает в порту, Тристан узнает об очередном испытании, которое ему необходимо преодолеть на пути к любимой: героя ожидает сражение с драконом, за победу над которым король обещает отдать руку своей дочери.

Четвертое плавание по морю связано с обоими героями: Тристан и Изольда совершают морское путешествие вместе, направляясь к королю Марку, за которого должна выйти замуж принцесса. Чувства молодых людей столь же переменчивы, сколь и нрав морских глубин. В начале плавания Изольда опечалена тем, что ей пришлось оставить отчий дом: . Когда Тристан приходил к ней, желая успокоить ее ласковыми словами, она гневалась, отталкивала его, и ненависть наполняла ее сердце. Ведь он, похититель... <...> ... везет ее по морю, как добычу, во вражескую страну... [Там же, с. 62]. Принцесса проклинает корабль, который стал ее темницей: . Несчастливая! – говорила она себе. – Да будет проклято море, которое несет меня... [Там же]. Наступает штиль, и судно пристает к берегу. Томясь от непереносимой жары, молодые люди вкушают запретный любовный напиток, приготовленный матерью Изольды для первой брачной ночи ее дочери с королем. Вслед за этим роковым событием штиль сменяется попутным ветром, и корабль на всех парусах мчится к берегам Англии, а Тристан и Изольда, . . . связанные навеки, отдались любви... [Там же, с. 66]. Единственное желание Тристана – оставаться на судне вечно: . . . Будь его воля, никогда не сошел бы он на этот берег, а предпочел бы всю жизнь носиться по волнам... [5, с. 253-254]. Однако вскоре корабль входит в порт, и для влюбленной пары наступает череда испытаний их чувств.

В последний раз корабль появляется в сюжетной линии легенды в эпизоде плавания королевы к умирающему возлюбленному. На корабле Каэрдина Изольда стремится как можно быстрее пересечь морские просторы, чтобы увидеть любимого и излечить его раны, в то время как Тристан проводит дни в мучительном ожидании: . Прихода корабля он ждет / Но страх, что не прибудет тот / В Тристане так порой силен / Что дольше ждаты страшитися он // [Там же, с. 179]. Высшие силы препятствуют воссоединению любовников: лишь только вдалеке показывается Британский берег, на судно налетает шквалистый ветер: . . . И паруса в клочки летят / Корабль несется наугад // [Там же]. Ужасом объята все пассажиры корабля, предчувствующие скорую гибель: . Все стонут, мечутся, рыдают / И смерти в страхе ожидают // [Там же, с. 180]. Пять дней продолжается страшный шторм, после которого небо внезапно проясняется и корабль вновь на всех парусах несется к бретонским берегам: . Корабль взрезал за валом вал / И ветер паруса вздувал... // [Там же]. И вновь, едва завидев сушу, мореплаватели лишаются надежды в скором времени ступить на землю: . . . Ударил зной и ветер стих / Корабль замедлил разом ход / Скорей стоит он, чем идет // [Там же] – . . . Корабль обречен... стоять / Покуда ветры буду спать // [Там же]. Лишь в тот самый миг, когда Тристан погружается в вечный сон, так и не увидев любимой, полный штиль сменяется долгожданным ветром: . Зной между тем ослаб чуть-чуть / И ветер снова начал дуть / И паруса взвились опять / И смог корабль к земле пристать // [Там же, с. 183]. Морская стихия, что когда-то привела Тристана к принцессе Изольде, а затем позволила двум молодым сердцам познать любовь и испытать подлинную страсть, в итоге соединила их навсегда: . Она к Тристану прилегла / Любимого поцеловала / В объятьях сжала, как бывало <...> / И смерть ее настигла там... // [Там же, с. 185].

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что в легенде о Тристане и Изольде, равно как и в одиссеях Мельдуна, Брендана и Брана, которую исполняют корабль и связанная с ним морская стихия, близка той, что они играют в античной мифологии и, в частности, в поэмах Гомера и Аполлония Родосского. Корабль во многом являет собой роковое судно, исход плавания которого целиком в руках провидения; особое значение приобретает связанная с ним трагическая нота; корабль становится полноправным участником событий, вторгающимся в ход их развития. Морская стихия переменчива, и ее характер двойственен; море дарит желаемое, и оно же становится последней обителью героя. Мифопоэтический образ корабля предстает в более резком свете, события, разворачивающиеся вокруг морского судна, полны внутреннего драматизма, а исход его плавания по волнам грозной и непредсказуемой стихии порой весьма трагичен. В этом отношении интерес представляет функционирование образа корабля в германо-скандинавской мифологии, в частности, в эпоху викингов, период формирования германо-скандинавского героического эпоса, когда . . . море манило и завораживало... [6, с. 133], превращаясь в . . . живое человеческое существо, способное ощущать гнев и боль [6, с. 133], а морское судно являлось воплощением фатума – однако, это тема уже другого исследования.

Список литературы

1. Бедье Ж. Тристан и Изольда. М.: Эксмо, 2014. 192 с.
2. Биркхан Г. Кельты. История и культура. М.: Аграф, 2007. 512 с.
3. Кельтская мифология. Энциклопедия. М.: ЭКСМО, 2002. 640 с.
4. Котерелл А. Мифология (Северная. Античная. Кельтская): энциклопедический справочник. Минск: Белфакс, 1997. 256 с.
5. Легенда о Тристане и Изольде. М.: Наука, 1976. 733 с.
6. Лю Сяо. Метафорика стихий в , Беовульфей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 1. Ч. 2. С. 133-135.
7. Маккалах Д. А. Религия древних кельтов. М.: Центрполиграф, 2004. 334 с.
8. Росс Э. Кельты-язычники. Быт, религия, культура. М.: Центрполиграф, 2005. 255 с.
9. Цветков С. В. Славяне и кельты. СПб.: Русско-балтийский информационный центр . БЛИЦ, 2005. 200 с.

10. Цезарь Ю. Записки о галльской войне. М.: АСТ, 2001. 750 с.
11. Черинотти А. Кельты: первые европейцы. М.: Ниола-Пресс, 2008. 128 с.
12. Широкова Н. С. Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб.: Евразия, 2000. 352 с.
13. Matson R. Celtic Mythology. A to Z. Second edition. N. Y.: Chelsea House Publishers, 2010. 131 p.
14. Monaghan P. The Encyclopedia of Celtic Mythology and Folklore. N. Y.: Facts of File, 2004. 512 p.

IMAGE OF A SHIP AND THE WAVES IN THE CELTIC MYTHOLOGY

Makarova Inna Sergeevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
National Research University –Higher School of Economics”
inna-makarova@mail.ru

The article is devoted to studying the images of waves and ship in the context of Celtic myths, traditions and legends. The goal of the research is to develop the holistic conception on the role and meaning of the investigated mytho-poetical images in the Celtic mythology and to analyze their symbolism on the basis of the available Celtic legends. The originality of the research consists in the attempt to characterize the specifics of the images of sea and ship as the central images of Celtic mythology.

Key words and phrases: image; sea; ship; mythology; Celts; Meldun; Tristan.

УДК 372.881.111.1

Педагогические науки

В данной статье рассматривается реализация методов активного обучения, входящих в структуру Всемирной Концепции CDIO в рамках преподавания английского языка и для развития соответствующих академических знаний и навыков межличностного общения. С помощью метода кейсов, моделирования деловых ситуаций и т.д. студенты могут научиться критически мыслить, принимать решения, решать инженерные задачи, а также работать в команде, одновременно совершенствуя уровень владения иностранным языком.

Ключевые слова и фразы: инженерное образование; Всемирная Концепция CDIO; навыки межличностного общения; методы активного обучения; иностранный язык.

**Макаровских Александра Викторовна
Овчинникова Екатерина Сергеевна**

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
alexandravm1@rambler.ru; ekaterinaovchinnikova2011@mail.ru

МЕТОДЫ АКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ CDIO-КОНЦЕПЦИИ: НА ПРИМЕРЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ТОМСКОМ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В рамках профессиональной деятельности все студенты технического вуза рассматриваются как будущие инженеры, владеющие иностранным языком и участвующие в международных проектах. Мы стремимся создать значимые связи между практикой вне университета и академическим образованием, направленные на развитие профессионально-ориентированных умений и навыков. Именно поэтому мы обращаемся к Стандарту 8, являющемуся одним из ресурсов, которые могут быть адаптированы и применены с учетом конкретных образовательных программ и используемых для достижения целей Всемирной Концепции CDIO. Данные ресурсы предназначены для формирования образовательных программ, в том числе связанных с ними дисциплин, где обучение включает в себя развитие умений создавать продукт, процесс и систему, а также формирование/совершенствование навыков межличностного общения и развития личностных качеств [6].

Всемирная Концепция CDIO является инновационным образовательным проектом для создания нового поколения инженеров. Данный проект обеспечивает студентов инженерным образованием в соответствии с моделью Планирование – Проектирование – Внедрение – Применение реальных систем и продуктов. Всемирная Концепция CDIO получила широкую поддержку во всем мире, и ее принципы активно используются при создании образовательных программ, а также систем оценивания [Ibidem].

В настоящее время Всемирная Концепция CDIO реализуется в 113 вузах по всему миру, среди которых не последнее место занимает Томский политехнический университет (далее ТПУ). Стандарт ООП ТПУ соответствует миссии, стратегии и Программе развития ТПУ как национального исследовательского университета, мирового уровня, ориентированного на кадровое обеспечение и разработку технологий для ресурсоэффективной экономики. В 2012 г. новая версия Образовательного Стандарта ООП ТПУ – 2012 была дополнена требованиями международных Стандартов CDIO [3]. В 2011 году ТПУ первым из российских вузов